

ВСЁ НА 17

ИГРА, КОТОРАЯ ЗАБИРАЕТ ВСЁ

16+

Автор повести: Дмитрий М.

Дмитрий Макаревич

Всё на 17

<https://litres.ru/74518632>

SelfPub; 2026

Аннотация

Казань. Двор с растрескавшимся асфальтом. Мальчик с мячом, который боится сделать первый шаг.

Проходят годы. Мальчик вырастает. У него появляется машина, девушка, работа. И пустота внутри — та самая, которую он когда-то заполнял футболом.

Он ищет, чем её заполнить. И находит. Но это «что-то» забирает больше, чем даёт.

Психологическая драма о взрослении, семье и о том, как тихо рушится жизнь, если вовремя не остановиться.

Содержание

Глава	4
Глава 1. Дом	5
Глава 2. Школа	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дмитрий Макаревич

Всё на 17

Глава

Дмитрий М.

Всё на 17

повесть

Моему брату посвящается

2026

16+

Глава 1. Дом

Казань. 2004 год.

Город пах сыростью и тополиным пухом. Пух лежал на асфальте серыми хлопьями, цеплялся за бордюры, забивался в трещины, и ветер гонял его по двору, поднимал в воздух, кружил, как будто играл. Небо было низкое, молочное, без единого просвета. Такое небо бывает в конце мая, когда весна уже сдалась, а лето ещё не пришло. Оно висело над пятиэтажками, давило на крыши, на антенны, на бельевые верёвки, натянутые между балконами. Бельё висело мокрое, тяжёлое, и не сохло — воздух был плотный, как вата.

Мише пять лет.

Он стоял во дворе — маленький, в куртке на два размера больше, потому что «на вырост». Куртка была тёмно-синяя, с потёртыми локтями и сломанной молнией, которую мать чинила трижды. Молния держалась на одном зубце, но держалась. Миша знал: если дёрнуть резко — разойдётся. Поэтому он не дёргал. Просто стоял.

Ботинки были старшего брата. Даня стоптал их за два года, но они всё ещё были крепкие — крепче новых, потому что сделаны были в советское время, на совесть. Кожа на носках потрескалась, но не прохудилась. Шнурки были разные: один чёрный, другой коричневый. Мать говорила: «Какая разница, главное — держатся». Они держались.

В руках Миша держал мяч. Не новый. Не брендовый. Просто мяч. Кожаный, с потёртостями, с одной стороны — белая полоса, стёртая до основы. Мяч пах резиной и пылью. Он был круглый. Главное — круглый.

Двор был обычный. Пятиэтажка, качели, песочница. Качели скрипели на ветру — тонко, жалобно, как будто кто-то плакал. Песочница была полна окурков и битых бутылок; в ней не играли, в ней прятались. Мальчишки постарше гоняли мяч у гаражей. Гаражей было пять, покрашенные в зелёный, с ржавыми воротами. Один гараж был открыт — оттуда пахло бензином и старой тряпкой. Мужик в майке-сетке ковырялся в «Жигулях», что-то подкручивал, матерился вполголоса.

Миша стоял и смотрел. Он не подходил. Ему было страшно. Страх был не острый, не как перед собакой или темной. Страх был тягучий, как смола. Он растекался по ногам, по животу, поднимался к горлу. Миша знал этот страх. Он приходил каждый раз, когда надо было что-то сделать первым. Подойти. Сказать. Попросить. Он приходил и оставался, и Миша стоял, и время шло, и ничего не менялось.

Но мяч в руках — и он не мог уйти. Мяч был как якорь. Как будто кто-то привязал его к этому месту, к этому двору, к этим воротам, и сказал: «Стой, пока не решишься». И он стоял.

Внутри него всё сжималось. Он не умел объяснить это словами — ему было пять. Но чувство было знакомое: будто

ты стоишь на краю и знаешь, что надо прыгнуть, но не можешь. И чем дольше стоишь, тем страшнее. И тем сильнее хочется, чтобы кто-то подошёл и толкнул. Или взял за руку. Или просто сказал: «Иди».

Мать смотрела на него из окна кухни. Окно было на третьем этаже, второе слева. Рама деревянная, крашеная белой краской, которая облупилась по углам. Мать стояла, опершись на подоконник, и смотрела вниз. Она видела, как сын стоит. Как смотрит. Как сжимает мяч — пальцами, побелевшими от напряжения. Она знала этот взгляд. Так смотрят, когда хотят, но боятся.

Она знала этот взгляд, потому что сама так смотрела всю жизнь. На мужа, когда хотела сказать что-то важное, но не решалась. На старшего сына, когда хотела обнять, но он уже вырос. На себя в зеркало, когда понимала, что годы уходят, а ничего не меняется. Она знала этот взгляд наизусть.

И она знала, что нельзя оставлять его там. Нельзя, чтобы он стоял и ждал, пока страх съест его. Она видела, как это бывает. Видела детей, которые так и не решались. Которые вырастали и всю жизнь стояли на краю, не в силах прыгнуть.

Она вышла во двор.

Лестница была крутая, тёмная, с перилами, вытертыми до блеска. Она шла быстро, перепрыгивая через ступеньку. Дверь подъезда скрипнула — тяжело, как старик. Мать вышла на улицу и сразу увидела его. Маленькая фигурка в большой куртке. Мяч в руках. Голова опущена.

— Миш, ну чё ты стоишь? Иди играй.

Голос у неё был мягкий, но с нажимом. Она умела так — не приказывать, но подталкивать. Как врач, который говорит: «Дышите глубже», и ты дышишь, хотя не хочешь.

Он поднял голову. Посмотрел на неё. Глаза были серые, как небо. В них не было слёз — только вопрос. Немного испуга. Немного надежды.

— Они большие.

Он сказал это тихо, почти шёпотом. Как будто боялся, что мальчишки услышат.

— Ну и что. Ты тоже большой.

Она сказала это уверенно. Так, как говорят правду, которую знают наизусть. Она видела его насквозь — маленького, испуганного, но с чем-то внутри. С чем-то, что ещё не проснулось, но уже было. Она видела это в его глазах. Она видела это, когда он смотрел футбол по телевизору — старый «Рубин», чёрно-белый, с антенной-усами. Миша сидел на полу, поджав ноги, и не отрывал глаз. Он не кричал, не прыгал. Просто смотрел. И в этом взгляде было что-то, чего она не могла объяснить. Что-то взрослое. Что-то, что пугало её и восхищало одновременно.

Он смотрел на неё. Потом на мальчишек. Потом снова на неё.

— А если не возьмут?

— Возьмут.

Она говорила это так, что он верил. Не потому что слова

были убедительные. Потому что она сама верила. Она верила в него. Всегда. С самого рождения. Даже когда он был совсем маленький, когда плакал по ночам, когда болел, когда падал, — она верила, что он справится. Это было не материнское «мой сын самый лучший». Это было другое. Она видела в нём силу. Тишину. Что-то, что он сам ещё не понимал.

Он идёт. Мяч в руках. Ноги дрожат.

Двор был большой — от подъезда до гаражей метров пятьдесят. Асфальт растрескался, из трещин росла трава — жёсткая, серая. Миша шёл медленно. Каждый шаг отдавался в коленях. Он слышал, как мальчишки кричат, как мяч стучит по земле — глухо, ритмично. Он считал шаги. Один. Два. Три. Пять. Десять. Двадцать. Он не знал, зачем считает. Просто считал.

Мальчишки заметили его, когда он был в десяти метрах. Старший — лет двенадцати, в красной футболке «Спартак» — остановился, посмотрел. Мяч покатился в сторону, но никто не побежал за ним.

— Мелкий, ты чё?

Миша остановился. Мяч в руках стал тяжёлым. Он смотрел на старшего. Тот был высокий, худой, с ободранными коленками и злыми глазами.

— Ты чё умеешь?

Миша сглотнул. Горло было сухое.

— Пасы.

— Чё?

— Пасы. Отдавать.

Они смеются. Громко, искренне. Как смеются дети, когда им весело. Миша не обижается. Он знает: это не злоба. Это проверка.

Но берут.

Через полчаса Миша стоит у ворот. Не в воротах — у ворот. На краю. Он не бежит, не просит. Просто стоит и смотрит. Кто-то бьёт — мяч летит мимо. Миша подбирает. Смотрит. Видит, что пацан в центре открылся. Отдаёт. Точно в ногу. Прямо как в телевизоре.

Мяч летит низом, по траве, ровно. Пацан принимает — неловко, но принимает. Бьёт. Гол.

— Мелкий, ты чё, играл где-то?

Миша молчит. Он не играл. Он просто видел, как надо. Видел в телевизоре, во дворе, на улице. Видел, как мяч должен идти — не к нему, а от него. К тому, кто открылся. К тому, кто свободен. Он не думал об этом. Просто знал.

Мать стоит у окна. Она улыбается. Впервые за долгое время.

Она улыбается не потому, что он забил. Не потому, что его взяли. Она улыбается потому, что он пошёл. Поборол свой страх. Сделал шаг. Она знает, чего это стоило. Она видела, как дрожали его ноги. Как он сжимал мяч. Как смотрел на мальчишек — снизу вверх, но не заискивая. И она понимает: он справится. Не сейчас, не завтра. Но справится.

Вечером, когда отец приходит с работы — уставший, в

форме, с запахом казармы и дыма, — она говорит:

— Егор. Я хочу записать Мишу на футбол.

Отец садится на кухне. Кухня маленькая — стол, четыре табуретки, газовая плита, холодильник «Бирюса», который гудит, как трактор. На столе — клеёнка, вытертая до белизны. На стене — календарь с видами Волги. Отец снимает фуражку. Кладёт на стол. Смотрит на неё.

Егор был военным. Не по призванию — по судьбе. Отец его был военным, дед тоже. Он не выбирал. Просто пошёл по дороге, которую проложили до него. Служил в Казани, в части, которая занималась связью.

Внутри него всё было устроено иначе, чем у других. Он не умел говорить о чувствах. Не потому что не хотел — потому что не знал как. Слова застревали где-то в горле, не доходя до рта. Он мог часами объяснять, как чинить проводку, как собирать автомат, как ловить рыбу. Но не мог сказать сыну: «Я тебя люблю». Это было как иностранный язык, который он слышал, но не понимал.

— Зачем?

Голос у него был ровный. Без эмоций. Он всегда говорил так — как будто докладывал.

— Он играет. Во дворе. Хорошо играет.

— Ему пять.

— Я знаю. Но он играет.

Отец молчит. Смотрит в стол. На клеёнку, на крошки от хлеба, на трещину в столешнице. Он думает. Не о футболе.

О том, что сын растёт. О том, что он сам не замечает, как растёт. О том, что пять лет пролетели, как один день. Он не помнит, как Миша родился. Помнит только, как пришёл в роддом, как ему сказали: «Мальчик», как он кивнул и пошёл курить. Он не чувствовал ничего особенного. Просто мальчик. Просто сын. Но теперь — этот мальчик стоит во дворе с мячом. И хочет играть. И жена хочет, чтобы он играл. И он понимает: это важно. Не для него — для Миши. Но он не знает, как это сказать.

Он вспоминает своего отца. Тот тоже никогда не говорил «люблю». Только учил. Рыбалке. Ремонту. Дисциплине. И Егор вырос, зная, что отец его любит — не по словам, по делам. По руке на плече. По молчаливому кивку. По тому, как отец стоял рядом, когда было трудно.

Может, и он так сможет. Может, и Миша поймёт. Без слов.

— Ладно. Но если начнёт — не бросать.

— Не бросит.

— Ты не знаешь.

— Знаю.

Она всегда знает. Она врач. Детский. Работает в поликлинике на Водопроводной — старая двухэтажка, с облезлыми стенами и запахом хлорки. Она привыкла понимать, когда ребёнок болеет, когда врёт, когда хочет что-то, но не говорит. Она видит это по глазам, по рукам, по тому, как ребёнок дышит. Миша не болеет. Миша не врёт. Миша хочет. И она знает: если он начнёт — не бросит. Потому что он упрямый.

Потому что он — её сын.

Первая тренировка. Школа «Спартак» Казань. Здание старое, с раздевалкой, которая пахнет потом и деревом.

Тренер — мужчина лет сорока, с седыми висками и тяжёлым взглядом. Он смотрит на Мишу. Не сверху вниз — просто смотрит. Как смотрят на инструмент, который надо проверить.

— Звать?

— Миша.

— Год?

— 99-й.

— Опыт?

— Двор.

Тренер усмехается. Но не выгоняет. Ставит в круг.

Миша стоит. Ноги дрожат. Но не от страха — от холода. Раздевалка не отапливается, а на улице май, но холодный. Мяч летит к нему. Он принимает. Отдаёт. Мяч летит обратно. Он снова принимает. Отдаёт.

Тренер смотрит. Молчит. Потом говорит:

— Неплохо. Останься.

Миша остаётся.

Через год после первой тренировки — первая форма. Семнадцатый номер. Тренер выдаёт его случайно — кто-то не пришёл, кто-то ушёл, остался этот номер. Миша смотрит на цифру. Он не знает, что это значит. Но запоминает.

Он не знает, что эта цифра останется с ним. На всю жизнь.

Просто смотрит на неё и запоминает.

Через два года — первый гол. На турнире. В Новочебоксарске. Он забивает с паса — не с удара. Он вообще редко бьёт. Он отдаёт. Читает. Видит. Тренер говорит:

— Ты не читаешь игру.

Миша не понимает. Он думает, что читает. Он видит пазанов, которые открываются. Видит, куда бежать. Видит, кому отдать.

Но тренер видит другое. Тренер видит, что Миша не может один решить. Что он ждёт. Что он не берёт на себя.

— Ты не читаешь игру, — повторяет тренер.

Миша молчит. Он не знает, что сказать. Он не понимает, что тренер прав. Поймёт. Но не сейчас.

Мать собирает его на соревнования. Бутерброды в фольге, термос с чаем, форма — всё сложено аккуратно, всё на месте. Бутерброды — с колбасой и сыром, нарезанные тонко, ровно. Мать режет. Даже когда устала. Даже когда нет времени. Чай пахнет мятой и лимоном.

А возит отец. Он выкраивает время между службой — либо сам за рулём, либо, если не получается, отвозит Мишу на вокзал, покупает билет, сажает в поезд и стоит на перроне, пока вагон не скроется. Едут на старой «Ладе» — белой, с ржавыми порогами и скрипучими дверями. Миша — рядом. Отец молчит. Смотрит на дорогу. Иногда — руку на плечо. Ничего не говорит. И Миша знает: если отец рядом — значит, всё правильно.

Мать приезжает на матчи, когда может. Садится на трибуну — маленькая, в куртке, с сумкой на коленях. Она болеет. Она кричит. Она плачет, когда он забивает. Не потому что гол. Потому что он стоит на поле — живой, настоящий, счастливый. Она видит, как он бежит, как отдаёт, как смотрит на ворота. Она видит, что он на своём месте. И это — самое главное.

Отец приходит редко. Служба. Но когда приходит — стоит у кромки поля. Молча. Смотрит. Не хлопает. Не кричит. Просто смотрит. Потом, когда матч заканчивается, подходит. Кладёт руку на плечо. Ничего не говорит.

Миша знает. Этого достаточно.

Он не знает, что отец гордится им. Что отец рассказывает о нём сослуживцам. Что отец хранит вырезки из газет, где упоминается его имя. Он не знает, что отец плачет, когда никто не видит. Он просто чувствует руку на плече. Тяжёлую, тёплую. И этого достаточно.

Однажды отец взял его на рыбалку. Мише было семь. Дня не поехал — сказал, что неинтересно. Они встали в четыре утра. Темно, холодно. Отец завёл «Ладу», и они поехали на Волгу. Миша сидел рядом, сонный, и смотрел, как фары выхватывают из темноты дорогу. Отец молчал. Он всегда молчал. Но в этом молчании не было пустоты. Было что-то другое. Тепло.

На берегу отец размотал удочки. Показал, как насаживать червя. Как забрасывать. Как ждать. Миша смотрел на попла-

вок. Тот покачивался на воде. Вода была чёрная, спокойная. Отец сидел рядом. Молчал. Потом сказал:

— Терпение. Главное — терпение.

Миша кивнул. Он не понял тогда. Поймёт позже. А пока — просто сидел рядом с отцом и смотрел на поплавок. И ему было хорошо. Тихо. Спокойно. Как будто ничего плохого в мире не было. И не будет.

Они вернулись домой к обеду. Мать уже ждала — сутилась, грела суп, спрашивала, замёрз ли, поел ли. Миша кивал. Улыбался. А Даня сидел в комнате, за компьютером. Не вышел. Даже не спросил, как прошло. Ему было шестнадцать. Он уже жил своей жизнью. Отдельной. В которой не было ни рыбалки, ни футбола, ни младшего брата.

Однажды они поехали на велосипедах. Мише было девять, Дане — пятнадцать. Отец дал им старые велосипеды — «Салют» и «Кама». Они ехали по набережной. Миша пыхтел, крутил педали, старался не отставать. Даня ехал впереди. Не оборачивался. Миша смотрел на его спину и думал: «Почему он не ждёт? Почему не оглянется?»

Они доехали до старого пирса. Сели. Молчали. Потом Даня сказал:

— Красиво тут.

— Ага.

И всё. Больше не разговаривали. Но Миша запомнил. Запомнил, как они сидели. Как смотрели на воду. Как молчали. И в этом молчании не было пустоты. Было что-то. Что-

то, что он не мог назвать. Но чувствовал.

Даня не любил футбол. Не понимал. Не хотел понимать. У него был компьютер — первый, старый, подаренный на тринадцатый день рождения. Он сидел за ним ночами. Писал код. Читал. Учился. И в этом было всё, что ему было нужно.

Мать говорила:

— Даня, ты бы с братом поиграл.

— Мам. Он в футбол играет. Я — нет.

— Ну просто поиграй.

— Я не умею.

— Научись.

Он не учился. Он не хотел. Он хотел другого — уехать. И через год уехал. В Чебоксары. Учиться. На программиста. Собрал вещи, попрощался — коротко, сухо, как будто уезжал на неделю, а не навсегда. Миша стоял в дверях и смотрел, как он уходит. Хотел что-то сказать. Не сказал. Не знал что.

Летом Даня приезжает. На две недели. Или на зимние праздники. Он привозит подарки. Мише — мяч. Или бутсы. Или что-то ещё. Он не знает, что нужно. Он просто покупает то, что видит в магазине.

Миша берёт. Говорит «спасибо». Но они не играют. Они не разговаривают. Они — разные. Совсем.

Даня сидит за ноутбуком. Миша бегает во дворе. Мать смотрит на них и не понимает, почему они не могут найти общий язык. Отец молчит. Как всегда.

Дома отец был другим. Не хуже — просто другим. Он проверял. Всё. Всегда.

— Уроки сделал?

— Да.

— Проверю.

Он проверял. Не потому что не верил. Потому что так привык. Служба. Приказ. Проверка.

Миша боится его. Не сильно. Но боится. Он знает: отец может молчать неделю. Если что-то не так. Если плохо. Если не то. И Миша не понимает почему. А отец не объясняет. Потому что не умеет. Не потому что не хочет — не умеет. Как не умел его отец. Как не умел его дед.

Он не знает, что отец молчит не от злости. От беспомощности. Он не знает, как сказать сыну, что любит его. Как сказать, что гордится. Как сказать, что боится за него. Он не умеет. Его не научили. Отец его отца тоже не умел. Молчание передаётся по наследству — как цвет глаз, как форма носа.

А мать говорила. Много. Слишком. Она обнимает. Целует. Спрашивает:

— Ты поел?

— Да.

— Что ел?

— Мам.

— Я спросила.

Она не может иначе. Она врач. Она привыкла спасать. Она

хочет спасти всех. Мужа. Сыновей. Себя. Но спасает только их. Себя — не получается.

Вечер. Кухня. Мать готовит. Отец читает газету. Даня — в комнате, за компьютером. Миша — во дворе, с мячом.

Мать смотрит в окно. Видит сына. Он бегают. Он счастлив. Она знает это. Она видит.

Отец поднимает глаза.

— Что там?

— Ничего. Просто смотрю.

— На что?

— На Мишу.

Отец смотрит. Молчит. Потом:

— Он хороший пацан.

— Да.

— Но слабый.

Мать оборачивается. Смотрит на него.

— Почему слабый?

— Потому что ждёт. Всегда ждёт. Пока кто-то другой сделает.

— Он ребёнок.

— Я знаю. Но это не пройдёт.

Мать молчит. Она не спорит. Она знает, что он прав. Но она не хочет, чтобы это было правдой.

Она смотрит в окно. Миша бегают. Мяч стучит по асфальту. Она думает: «Он не слабый. Он просто добрый. Он просто верит, что кто-то придёт и поможет. И я приду. И помо-

гу. Всегда».

Она не знает, что это не поможет. Никогда не помогает. Но она будет пытаться. До конца.

Ночью Миша спал. И видел сон. Он стоял на краю поля. Один. Мяч лежал в траве, рядом. Он не решался подойти. Знал: если подойдёт — надо будет играть. А он боялся. И мяч лежал. И он стоял. И ничего не происходило.

Он проснулся. В комнате было темно. На кухне капал кран. Он лежал и смотрел в потолок. Трещин было семь. Он сосчитал их. Потом закрыл глаза. И снова увидел поле.

Глава 2. Школа

Казань. 2008–2013.

Школа была обычная. Трёхэтажная, кирпичная, с облупленными подоконниками и запахом хлорки в спортзале. Миша учился там же, где когда-то учился Даня. Даню здесь помнили до сих пор — скромного, тихого мальчишку, который вечно торчал в кабинете информатики. Учителя говорили: «Вот старший брат — золото. А этот...» — и махали рукой. Миша не обижался. Он привык.

Он не был глупым. Просто ему было неинтересно. Математика, русский, история — всё это проходило мимо, как поезд. Он сидел за последней партой, смотрел в окно и ждал звонка. Звонок означал футбол. Футбол означал жизнь. Всё остальное — просто ожидание.

Учителя его не любили. Не потому что он был хулиганом. Он не был. Он не грубил, не хамил, не срывал уроки. Он просто отсутствовал. Телом — в классе, мыслями — на поле. Учителя ставили ему тройки. Иногда — четвёрки. Просто чтобы не возиться. Он не спорил. Ему было всё равно.

Зато у него были друзья. Настоящие. Такие, с которыми можно и на рыбалку, и подраться, и просто сидеть на лавочке, ничего не говоря. Их было трое: Артём, Костя и Руслан — тот самый Руслан, который потом окажется в «АвтоДоме», в сервисе, рядом. Но тогда он был просто пацаном из сосед-

него двора. Худой, злой, с вечно разбитыми коленками.

Они собирались после школы. У гаражей. Или на старом стадионе — том самом, где потом Миша будет ездить мимо и не останавливаться. Тогда он был не старый. Тогда он был свой.

Заводилой он не был. И ведомым — тоже. Он был тем, к кому шли, когда что-то случалось. Не спрашивали «можешь?» — просто знали: придёт. Если пообещал — сделает. Если сказал — приедет. Даже ночью. Даже в дождь. Даже если сам устал. Особенно если сам устал.

Друзья это чувствовали. И держались за него. Не как за жоака — как за стену. За которую можно встать. И не бояться.

В драки он не лез. Но если лезли к нему или к своим — отвечал. Без злобы. Без крика. Просто — так, что второй раз никому не хотелось. Не потому что он был сильнее. А потому что он не останавливался. Как в футболе: если пошёл в борьбу — идёт до конца. Не жалея ни себя, ни соперника.

Девчонки это видели. И тянулись. Не к красивому — хотя красивый. Не к модному — хотя модный. А к спокойному. К тому, кто не суется. Кто не заигрывает. Кто просто стоит и смотрит — внимательно, чуть насмешливо. И от этого взгляда становилось тепло. И немного страшно. Потому что непонятно: он с тобой. Или просто рядом.

Он не пользовался этим. Не хвастался. Не коллекционировал. Просто жил. И этого было достаточно.

Вызывали к директору. Иногда. За драки. За пропуски. За то, что уходил с уроков на тренировку. Отец приходил. В форме. Молча выслушивал. Потом говорил:

— Он не прав. Но он не врёт. Я проверял.

И директор сдавался. Потому что с отцом спорить было бесполезно. Он был военный. Он умел говорить так, что ты сам начинал сомневаться в своей правоте. И Миша выходил из кабинета — с записью в дневнике, но без наказания. И отец никогда не говорил ему «молодец». Просто клал руку на плечо. И всё.

А потом была академия.

Не в Казани. Не рядом. В другом городе — далеко, так, что мать не приедет на выходные, а отец не положит руку на плечо после проигранного матча. Интернат. Комната на четверых. Койка у окна. Тумбочка с замком. И всё.

Тренировки два раза в день. Утром — до школы. Вечером — после. Между ними — уроки, которые никто не заставлял делать. Потому что здесь было по-другому. Здесь ставили не оценки. Здесь ставили «зачёт» или «незачёт». И незачёт означал одно: тебя отправят домой. И ты вернёшься в Казань. К пацанам во дворе. К тем, кто остался. К тем, кто не поехал.

Миша не хотел возвращаться.

Здесь были такие же, как он. Мальчишки, которые любили футбол больше, чем всё остальное. Которые тоже смотрели в окно на уроках. Только здесь, в академии, это никого не

удивляло. Здесь все смотрели в окно. И все думали об одном — о поле.

Они были разные. Из разных городов. С разными судьбами. Но одинаковые — в главном. В том, что у них не было ничего, кроме мяча. И это их объединяло. Крепче, чем кровь. Крепче, чем дружба. Крепче, чем что-либо ещё.

Миша не был лучшим. Но был нужным. Тренеры его любили. Не за голы. За игру. За то, что он видел поле. За то, что он отдавал пас там, где никто не ждал. За то, что он не жадничал. За то, что он не сдавался.

Но было и другое. Опека родителей закончилась. Мать больше не могла проверить, поел ли он. Отец не мог положить руку на плечо. Они были далеко. Он был один. И это была свобода. Первая в жизни. И она была сладкой. И опасной.

Первые просьбы о деньгах появились быстро. Ребята постарше — им было по семнадцать, по восемнадцать — иногда просили: «Мих, займи до стипендии». Он давал. Не считал. Не записывал. Просто давал. Потому что так было правильно. Потому что он не мог иначе.

А потом он увидел, на что они тратят. Не на еду. Не на одежду. На спор. Кто победит. Кто забьёт. Кто первый. Они ставили. По-мелкому. На интерес. На сто рублей. На двести. На бутылку пива.

Миша не участвовал. Сначала. Просто смотрел. Стоял рядом. Слушал. Как они обсуждают коэффициенты. Как спо-

рят. Как радуются, когда заходит. Как злятся, когда не заходит.

Однажды поставил и он. За компанию. На «Спартак». Сто рублей. «Спартак» выиграл. Он получил двести. И внутри что-то щёлкнуло. Тихо. Как замок. Который открывается сам. Без ключа.

Больше он не ставил. Смотрел. Слушал. Запоминал.

Академия дала ему много. Технику. Скорость. Понимание игры. Но она же забрала то, что давала мать — тепло. И то, что давал отец — молчаливую уверенность. Он остался без них. С мячом. С пацанами. С тёплым чувством, которое однажды попробовал. И запомнил.

Он вернётся домой через год. В Казань. Уставший. Повзрослевший. С желанием играть. И с чем-то ещё. С чем-то, что он пока не мог назвать. С чем-то, что спало.

Оно проснётся позже — уже здесь, в родительской квартире на Гагарина. Ночью. Когда он будет лежать рядом с Катей и смотреть в потолок. И считать трещины. Их будет семь. Он запомнит это число. Как запоминают всё, что не хочет забывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.